

Писцы средневековой Коломны

© А. Ю. КОЗЛОВА,
кандидат филологических наук

В статье рассматриваются первые дошедшие до нас памятники письменности города Коломны XIV–XVI веков – надписи на иконах, рукописи; выявляются яркие, наиболее характерные палеографические и графико-орфографические особенности, свойственные писцам.

Ключевые слова: Коломна, палеография, графика и орфография, второе южнославянское влияние.

Коломна – небольшой город, расположенный в ста километрах к юго-востоку от Москвы. Первое упоминание о нем в летописях относится к 1177 году. Оказывается, что самые ранние дошедшие до нас коломенские письменные памятники – это не рукописи, а надписи на иконах конца XIV века, которые впервые были описаны М.Г. Гальченко [1].

Это киноварные надписи на клеймах иконы «Святые Борис и Глеб с житием» из церкви Бориса и Глеба, «что в Запрудах» на левом берегу реки Коломенки. Сейчас икона хранится в Государственной Третьяковской галерее. Надписи сделаны каллиграфическим уставом позднего XIV века – «новым стильным почерком», намеренно деликатными, тонкими линиями. Хотя они выполнены на церковнославянском языке, коломенский писец вставил в текст несколько полногласных форм, свойственных живому языку: *вышегороджане, колодома*. В форме *колодома* окончание двойственного числа *-ома* передано с ошибкой, нужно было написать *колодама* или правильно по-церковнославянски – *кладами*.

М.Г. Гальченко заметила, что форма двойственного числа от полногласного варианта этого слова – *колодама* имеется в Повести временных лет в рассказе об убиении Бориса и Глеба [1. С. 113]. Вполне возможно, что тот, кто писал на клеймах икон, был знаком с текстом летописного рассказа.

Икона «Воскресение – Сошествие во ад» из коломенского Воскресенского собора, которая тоже находится в Государственной Третьяковской галерее, датируется концом XIV века и отнесена к московской школе живописи [2. С. 138]. «На иконе сохранились надписи темно-синей краской на белых сферах, которые держат в левых руках ангелы, изображенные на фоне сферической “славы” вокруг фигуры Христа, а также надписи, выполненные белилами на темном фоне “адской пещеры» [1. С. 126–127]. Они сделаны уже некаллиграфическим почерком. И, что весьма примечательно, фиксируются такие необычные словоформы, как *карасота*, *коротос(ть)*. Может быть, это проявление одной из особенностей бытовых графических систем – скандирования, характерного для берестяных новгородских грамот? (*Скандирование* – графическая система, в которой после любой согласной буквы обязательно пишется гласная, обычно не произносимая [3. С. 29]). Но, возможно, это просто ошибки.

Сейчас нам известны пять рукописей XV–XVI веков, переписанных в городе Коломне.

Первая и самая знаменитая во всем мире коломенская рукопись – это список Толковой Палеи 1406 года (РГБ Тр.-Серг. № 38). Толковая Палея – замечательный памятник древнерусской книжности XIII века, в котором с различными дополнениями, комментариями передаются отдельные книги Ветхого Завета. Список создан на пергамене, содержит 208 листов. Над Коломенским списком Толковой Палеи трудились трое писцов. Мы не знаем имен двух первых, третьего же писца, создавшего вторую половину рукописи, звали Кузьмой, о чем он и сообщил в приписке в конце текста. Анализ почерков, языковых особенностей рукописи, позволяет нам еще кое-что узнать о коломенских писцах Палеи.

Первый писец писал почерком, переходным от устава к старшему полууставу. Буквы он располагал не прямо, как было принято в уставе, а с наклоном вправо. В целом, его почерк угловатый, не отличающийся изяществом.

У второго писца очень нестабильный почерк: он вроде бы и хотел писать торжественно – уставом, но долго его выдерживать не мог, переходил на полуустав, а иногда в конце строки и на скоропись. Видно, что ежедневную «порцию» текста писец начинает аккуратно, затем устает, его написания становятся более размашистыми и небрежными. Он то пишет очень плотно: слова полностью на строке у него не умещаются, поэтому буквы в конце строки он надписывает сверху, соединяет

несколько букв в одну (такой прием называют лигатурой), то наоборот – растягивает слова по строчке; все слова, даже сакральные (*Богъ, Бого-родица*), пишет без титлов.

Сразу бросается в глаза, что второй писец делает очень много ошибок и описок, которые зачастую искажают текст. Например, в изложении истории жертвоприношения Авраама в слове *вязащъ* он пишет вместо буквы *я* букву *е*: *осель везящъ* – и получается, что Авраам подошел к ослу, не «привязанному к кусту», а «везущему к кусту». В пояснении к евангельскому названию *Голгофа* у него вместо *место лобное* почему-то оказывается *место любезное*. Второй писец не всегда вдумывается в смысл того, что переписывает. Так, на столбце 327 он написал следующий текст: «то бо младенець ввѣржеся в глоубину морьскоую то бо младенець створи чудеса на небеси». Речь идет об Иисусе Христе, но разве где-нибудь было сказано, что он плавал в морских глубинах – под водой? В другом списке Толковой Палеи – Списке Александро-Невской лавры (РНБ ПДА. А. 1/119) в данном контексте находим совсем другое: «то бо младенецъ ввѣрже *вся неправды* в глубину морьскую» (Л. 101).

Буквы у второго писца даже на одной строке могут быть разной величины, находиться на разном расстоянии друг от друга. Чернила в тексте у него постоянно меняют цвет и оттенок (в древности писцы сами готовили чернила): почти черные – темно-коричневые – светло-коричневые.

Первого и второго писцов характеризуют общие южнорусские диалектные особенности, например, они акают, что отражается в таких написаниях, как *оснаваньє* (стлб. 8), *на роду* (стлб. 20), *ради* (вместо *роди* «родила») (стлб. 276), *приляпляетя* (стлб. 397) и т.д. Второй писец допускает южнорусские диалектные формы имен существительных *име*, *семе*, вместо *имя*, *семя*.

При анализе графико-орфографических особенностей (к примеру, того, как передаются рефлексы бывших редуцированных *ъ* и *ь*) складывается впечатление, что первый писец по возрасту был намного старше второго. Он начал труд, переписал всего девять листов и почему-то стал искать себе замену. На девятом листе он как бы устроил экзамен второму писцу. Сам написал две строки, потом дал две строки переписать второму писцу, потом опять несколько строк написал сам, затем заставил писать второго писца, – и так, чередуясь девять раз, они дописали столбец до конца. Результаты экзамена, по-видимому, первого писца удовлетворили, и с шестнадцатого листа текст переписывал второй писец.

Третий писец Кузьма – это профессионал своего дела: почерк у него четкий, выработанный, красивый; на протяжении ста восьми листов он практически не менялся. Буквы пишутся без наклона, четко соблюдается параллельность вертикальных и горизонтальных, чередование тон-

ких и толстых линий. Кажется, что буквы он не пишет, а рисует. Если даже слово целиком не умещается на строке, то, чтобы не нарушить красивый внешний вид столбца, Кузьма делает перенос слова, разрывая слог: *изв-ещаниемь* (стлб. 614), *пусти к н-имь* (стлб. 693), *бесь бл-азна* (стлб. 705). Орфография третьего писца очень устойчива, цвет чернил стабилен. Кузьма не только не делает ошибок, но даже сам правит текст в соответствии со своими грамматическими воззрениями.

На основе сведений из приписки к Коломенскому списку и данных описей коломенских библиотек 1577/78 годов историк А.Б. Мазуров высказал предположение, что заказчиком рукописи, над которой работал Кузьма, был также упомянутый в приписке Варсонофий – духовное лицо, во-видимому, монах одного из коломенских монастырей [4. С. 390]. По мнению исследователя, Коломенский список Толковой Палеи 1406 года первоначально был личной келейной книгой монаха Варсонофия, а затем, после его смерти, рукопись была передана в книгохранилище монастырского собора.

Можно выдвинуть и другое предположение: Варсонофием могли звать первого или второго писца, которые работали над первой частью рукописи, так как в приписке точно указано: «Господи, спаси и помилуй раба своего Варсонофья создавшего книги сия» (стлб. 830). И, скорее всего, это второй писец, выполнивший, как и писец Кузьма, большой объем работы: Кузьма переписал 108 листов, второй писец – 84 листа, первый же писец выполнил наименьший объем работы – 15 листов. Если работа над первой и второй частями рукописи шла одновременно в продолжение полугода, естественно предположить, что писцы знали друг друга, поэтому Кузьма, работавший над заключительной частью, более опытный в профессиональном отношении, мог упомянуть своего коллегу.

Конец XIV – начало XV века – это особый период в истории древнерусской книжности: меняется внешний облик книг, графика и орфография; происходит архаизация литературного языка – по словам А.А. Шахматова, литературный язык «стал облекаться в ветхие ризы»; в литературе развивается стиль *плетения словес*. Это культурное веяние обычно называют вторым южнославянским влиянием. Проводником новой культурной традиции на Руси был московский митрополит Киприан [5. С. 270–271], умерший в 1406 году. Коломенский список Толковой Палеи переписывается в этом же году. Но практически никаких следов второго южнославянского влияния в рукописи не обнаруживается. Это интересный факт, требующий серьезного осмысления.

Если обратиться к исторической обстановке 1406 года, следует отметить, что к этому времени Коломна уже больше столетия находилась под властью Москвы; будучи расположенной совсем рядом со столицей, должна была испытывать влияние московских орфографических ново-

введений. Как отмечает М.Г. Гальченко, второе южнославянское влияние в конце XIV – начале XV века в основном проявляется в рукописях, созданных в новых православных центрах, связанных с именем Сергия Радонежского [6. С. 73–114, 223–300], а в Коломне в конце XIV века именно Сергий Радонежский основывает Старо-Голутвин монастырь.

Почему же коломенские писцы не восприняли орфографические реформы митрополита Киприана? Случайность это или осознанная позиция? Можно вспомнить, что Коломна была одним из любимых городов Дмитрия Донского: здесь он женился, здесь проводил смотр войск перед Куликовской битвой. Князь враждебно относился к митрополиту Киприану, в 1382 году изгнал его из Москвы. И именно в Коломне жил знаменитый Митяй, которого князь Дмитрий хотел видеть в качестве русского митрополита. Возможно, эти исторические факты как-то связаны с орфографическими воззрениями писцов Коломенской Толковой Пален.

Вторая известная коломенская рукопись – Лествица Иоанна Синайского 1422 года (РНБ, Погод. № 73). Список тоже пергаменный, содержит 298 листов. Рукопись, исключая приписки на первых листах, написана одним писцом – «крукою последнего въ диацехъ Иоанна» (Л. 297).

В этой рукописи второе южнославянское влияние проявляется в полной мере. Это употребление греческих по происхождению акцентных знаков; использование запятой в разделительной функции; написание *a* в соответствии с [ja]: *чюднаа* (Л. 1); употребление *i* перед гласными: *житіе* (Л. 1 об.); написания с *жд* в соответствии с *dj: *прежде* (Л. 1), *оутроуждѣся* (Л. 2); употребление *ou* после согласной буквы: *лествицоу* (Л. 1); использование буквы *ь* на конце слов вместо *ъ*: *иаковь* (Л. 9), *се рекь* (Л. 49 об.); графема *s* используется не только в числовом значении; буква *ы* пишется без отворота. Дьяк Иоанн был опытным писцом-каллиграфом, с очень красивым, устойчивым почерком. Из диалектных особенностей, отразившихся в рукописи, отмечается лишь переход *e* в *o*: *сделавшомоу* (Л. 25), *жолчи* (Л. 242).

Можно высказать предположение относительно того, когда же коломенские писцы познакомились и стали осваивать новые орфографические правила второго южнославянского влияния. А.Г. Бобров установил, что проводником второго южнославянского влияния на севере Руси был Лисицкий монастырь (на Лисьей, или на Лисичьей горке) Рождества Богородицы, который находился в семи верстах от Новгорода [7]. Бывший игумен Лисицкого монастыря Иларион вместе с иноком Арсением совершил хождения на Святую гору и принес оттуда рукописные книги. В 1396 году Иларион становится архимандритом московского Симонова монастыря. А 26 августа 1406 года благословляется в епископы Коломенские. Основная часть Пален была переписана до его приезда в Коломну. Лествица создается уже после его смерти (9 марта 1408 года), но

видно, что за время его недолгого пребывания на коломенской кафедре новые орфографические традиции приходят в Коломну и усваиваются.

Писцом третьей коломенской рукописи – Евангелия 1460–70 годов (РНБ, Кир.-Бел. 3/3) был писец Феодот. Книга была написана для заказчика – инока Геронтия. А.Б. Мазуров, изучивший рукопись, считает, что «инок Геронтий был очень состоятельным человеком. В эпоху всеобщего распространения бумаги он заказал книгу на дорогом пергамене. Переписку осуществлял писец – профессионал высокого класса, писавший ровным красивым полууставом. Не скупясь, он использовал золотую краску, редкий и дорогой ультрамарин. Начало всех Евангелий снабжено заставками нововизантийского стиля» [4. С. 394].

Известны писцы Пролога на сентябрь–февраль 1481 года (РНБ F.1.311) – священник Феодот Воскресенский и Семен Спасский. Виднейший исследователь древнерусской книжности Л.П. Жуковская так охарактеризовала манеру письма Семена Спасского: «Это опытный книжник, знающий способы тайнописи и гордящийся этим, пишущий название своего города через омегу (*въ Коулумне*), но в то же время употребивший деепричастие *прочитаючи* и отразивший свое акающее произношение в написании *акончена*» [8. С. 158]. Интересно, что в приписке Семен Спасский с помощью древнерусской тайнописи зашифровал свое имя – «священноцъятопъ Лириоупъ (священнодяконъ Симиоунъ)».

И, наконец, писцом пятой известной нам коломенской рукописи – Евангелия 1509 года (РНБ Погод. № 132) является «Данилец, попов сын, Дементьева Спасского». А.Б. Мазуров отмечает: «Сразу можно заметить, что он был в 1509 году человеком сравнительно молодым. Об этом свидетельствует не только уменьшительная форма имени *Данилец*, но и уточнение – *сын того-то*» [4. С. 400].

Привлекая данные писцовых книг, исследователь делает вывод, что отцом Данильца был священник Спасо-Преображенского храма Спасского монастыря: «Он сначала жил в миру, имел сына Данилу, затем принял монашество и сан священника в одном из крупнейших коломенских монастырей. Сын его также подвизался в богоугодном деле – переписке священных книг в этом монастыре под присмотром отца» [4. С. 400–401]. А.Б. Мазуров считает: есть все основания для предположения, что при Спасском монастыре в Коломне существовала постоянно действующая книгописная мастерская.

...Кузьма, Варсонофий, дяк Иоанн, Феодот, Феодот Воскресенский, Семен Спасский, Данилец... Рукописи, переписанные этими писцами и дошедшие до нас, позволяют судить о том, что в средневековье колочане были очень взыскательными читателями, а город Коломна являлся одним из книжных центров Древней Руси. Так, Толковая Палея представляла собой своеобразную энциклопедию для средневекового человека, из нее можно было почерпнуть сведения самого разнообразного

характера: о сотворении и строении мира, о происхождении человека, о строении человеческого тела, о первоэлементах, из которых составлено все материальное, о расселении народов, о диких животных и птиц и т.д. И такой сложный теологический и естественнонаучный памятник был востребован в Коломне в начале XV века!

Литература

1. Гальченко М.Г. Надписи на древнерусских иконах XII–XV вв. М., 1997.
2. Государственная Третьяковская галерея: Каталог собрания. Древнерусское искусство X – начала XV века. М., 1995. Т. 1.
3. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
4. Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в. М., 2001.
5. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002.
6. Гальченко М.Г. Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности // Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. М.–СПб., 2001.
7. Бобров А.Г. Книгописная мастерская Лисицкого монастыря // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв. СПб., 1991. С. 78–98.
8. Жуковская Л.П. Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV – 1 пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 144–176.

*Коломна
Московской обл.*